

The background of the entire image is a dark, atmospheric library or study. Tall wooden bookshelves filled with books line the walls. In the center, a long, narrow table is covered with a dark, textured cloth. On the table, two rolled-up scrolls are positioned diagonally. The scroll on the left is partially unrolled, revealing a circular diagram with concentric rings and various symbols, including what appear to be runic or alchemical characters. The scroll on the right is also partially unrolled, showing a similar diagram. A bright, golden light emanates from the center of the circular diagram on the left scroll, creating a shimmering effect. The light spreads outwards, illuminating the surrounding area and casting long, soft shadows. The overall mood is mysterious and ancient, with a focus on esoteric knowledge and magic.

Максим Фирсов

Богатство внутри

Максим Фирсов

Богатство внутри

<https://litres.ru/74463282>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём вырос в бедном дворе, где небо казалось низким. С семи лет он знал одно: если очень сильно захотеть — можно всё. И он получил всё. Деньги, квартиру с видом на реку, бизнес, статус. Но в самой дорогой квартире его жизни не было никого. Четыреста контактов в телефоне — и некому позвонить просто так. История о человеке, который научился добиваться всего и разучился быть нужным. О деньгах, которые не заполняют тишину. О людях, которые приходят вместе с успехом и исчезают без него. И о том, что любовь нельзя заработать — её можно только пустить.

Максим Фирсов

Богатство внутри

Глава 1. Двор, где небо кажется низким.

Артём впервые понял, что такое «захотеть», в семь лет — и не в школе, не в книжке, а во дворе, где пахло мокрым асфальтом и старыми покрышками. Он стоял у витрины магазина «Всё для дома», прижавшись носом к холодному стеклу. Внутри лежали кроссовки. Белые. С синей полоской. На ценнике — цифра, от которой у него пересохло во рту. Он знал: у матери таких денег нет и не будет. Она работала на двух работах, а вечером штопала носки, которые уже нельзя было штопать. Мальчик посмотрел на кроссовки. Потом на свои — серые, растоптанные, с протёртой подошвой. Потом снова на белые. И внутри что-то щёлкнуло. Не обида. Не зависть. А тихое, упрямое: я хочу. Он не знал тогда, что это слово станет его главным инструментом. Что оно вытащит его из этого двора, из этой улицы, из города, где небо казалось низким, будто накрытым серой крышкой. Он просто стоял и хотел — так сильно, что пальцы сжались в кулаки.

— Чего застыл? — окликнул его сосед, дядя Витя, с авоськой в руке.

— Кроссовки? Красивые. Только не по деньгам они нам.

— Знаю, — тихо сказал Артём.

— И что делать будешь? Мальчик молчал. Он не умел объяснить. Он просто чувствовал: если очень сильно захотеть, что-то должно сдвинуться. Мир не может быть глухим к такому. Дядя Витя усмехнулся, потрепал его по голове и пошёл дальше. А Артём ещё долго стоял у витрины. Через неделю он начал бегать по утрам. Сам. Без причины. Просто чтобы в его теле появилось что-то, чего раньше не было. Через месяц устроился помогать соседу — таскать ящики в ларьке, за копейки. Через год накопил на первые в своей жизни кроссовки. Не белые. Простые. Но свои. Тогда он решил: значит, работает. Значит, если захотеть по-настоящему — можно всё. Артём вырос и не раз вспомнит ту витрину. Особенно потом — когда у него будут и белые кроссовки, и часы, и машина, и квартира с видом на реку. И особенно в те ночи, когда он будет лежать один в этой квартире и смотреть в потолок, не понимая: почему сбылось всё, кроме одного. Того, чего нельзя купить. Того, что нельзя получить просто потому, что очень сильно хочешь. Любви.

Глава 2. Первые деньги.

Первые настоящие деньги Артём заработал в четырнадцать — и запомнил не сумму, а вкус. Лето выдалось жаркое, асфальт плавился, и во дворе пахло не только пылью, но и чем-то кислым — переспелыми яблоками из соседского сада. Мать уходила в шесть утра и возвращалась к десяти вечера. Артём видел её руки — красные, с трещинами на пальцах — и молчал. Просить было нечего. Просить было стыдно. Он пошёл на рынок.

— Дядь, помочь надо? Ящики таскать, полы мыть что угодно. Первый продавец махнул рукой. Второй даже не повернулся. Третий — грузный мужчина в фартуке, с усами, как у моржа, — посмотрел на него сверху вниз и спросил:

— Сколько тебе?

— Сколько дадите.

— Это неправильный ответ, усмехнулся тот.

— Никогда так не говори. Называй цену сам. Иначе всю жизнь будут платить «сколько дадут». Артём растерялся. Он не умел называть цену. Он вообще не умел ничего, кроме одного: хотеть.

— Пятьдесят в день, — выпалил он наугад. Мужчина

ХМЫКНУЛ.

— Тридцать. И не спорь.

— Сорок.

— Тридцать пять. Всё, пошёл работать. Артём кивнул и взял первый ящик. Тот оказался тяжелее, чем выглядел. Пальцы сразу заныли, спина отозвалась непривычной болью. К обеду он обливался потом и мечтал только о воде. К вечеру — о том, чтобы лечь и не вставать. Ему дали тридцать пять рублей. Мятые купюры. Он сжал их в кулаке так крепко, будто это было золото. Дома он не сказал матери. Просто положил деньги в жестяную банку из-под чая — свою первую копилку, своё первое тайное государство. На следующий день он вернулся. И на следующий. И так всё лето. К августу в банке лежало больше двух тысяч. Он купил матери новые туфли — недорогие, но целые, без дыр. Поставил коробку на стол и вышел из комнаты, потому что не умел смотреть, как она плачет. Она догнала его в коридоре и обняла так, что стало трудно дышать.

— Ты зачем, — прошептала она.

— Себе бы лучше.

— Мне не надо, сказал он.

— Мне надо, чтобы у тебя было. Это была первая ложь в его жизни. Ему было надо. Очень надо. Но ни туфли, ни кроссовки, не деньги. Ему надо было знать, что он может. Что если он захочет — то сделает. Что мир не глухой. Что стоит упереться — и стена поддастся. Он тогда ещё не понимал простую вещь: у стены есть предел, за которым она не поддаётся, а падает на тебя. И самая крепкая стена — не снаружи, а внутри. Но до этого понимания было ещё далеко — годы, деньги, город, ошибки. Той ночью он лежал на кровати и смотрел в потолок с трещиной, похожей на реку. И думал не о туфлях. Он думал: если так работает с деньгами — значит, так работает со всем. Он ошибался. Но ошибался красиво.

Глава 3. Город, который не ждал.

В восемнадцать Артём уехал. Не потому, что его кто-то гнал. И не потому, что дома было плохо. Дома было привычно: та же улица, тот же двор, та же трещина на потолке, похожая на реку, в которую он так и не вошёл. И именно это его и вытолкнуло. Он стоял на перроне с одним рюкзаком и жестяной банкой из-под чая, в которой лежали все его сбережения. Мать держала его за руку и не отпускала, будто могла удержать. Поезд подошёл, двери с шипением разъехались

. — Позвони, как доедешь, — сказала она.

— Позвоню.

— Ешь нормально.

— Буду.

— Артём.

— Что?

Она помолчала и сказала то, что он вспомнит через много лет, когда у него будет всё:

— Ты там не потеряйся. Деньги — это хорошо. Только не потеряй себя. Он тогда не понял. Кивнул, обнял её, шагнул в вагон. Поезд тронулся, за окном поплыли серые дома, потом поле, потом снова дома — уже другие, незнакомые, большие. Город встретил его равнодушно. Он не был злым. Он просто не заметил. Миллионы людей шли мимо, каждый со своей целью, и никто не обернулся на парня с рюкзаком, стоявшего посреди вокзала и не знавшего, куда идти. Артём снял комнату на окраине — девять квадратных метров, окно во двор-колодец, кровать, стол, табурет. Пахло сыростью и чужими жизнями. Он положил рюкзак на пол, сел на

кровать и почувствовал, как внутри поднимается знакомое, упрямое: я хочу. Но впервые в жизни он не знал, чего именно. Денег? Да. Но мало. Денег много — вот чего. Столько, чтобы мать больше никогда не штопала носки. Столько, чтобы хватило на всех, кто ему дорог. Столько, чтобы никто не смог сказать ему «не по деньгам». Он начал искать работу на следующий же день. Разгружал фуры на складе. Мыл полы в торговом центре. Разносил листовки у метро — стоял в дождь, улыбался и протягивал бумажки людям, которые смотрели сквозь него, как сквозь стекло. Вечерами учился — читал всё, что попадалось: про бизнес, про деньги, про людей, которые «сделали себя». Записывал в тетрадь цитаты, которые казались ему ключами. Через полгода он понял главное: работа за деньги — это не путь. Это топливо. А путь — это когда ты делаешь то, что можешь продать дороже, чем своё время. Он устроился помощником в маленькую фирму — ремонт квартир. Мыл инструменты, приносил материалы, смотрел. Смотрел, как мастер разговаривает с клиентом. Как считает смету. Как торгуется. Как говорит «нет» и остаётся при этом вежливым. Артём учился не профессии. Он учился быть нужным. И однажды вечером, сидя в своей комнате с окном в колодец, он достал тетрадь и написал на чистой странице одну фразу: «Богатым становится не тот, кто много хочет, а тот, кто решает чужую проблему лучше других». Он не знал, что это правда. Он просто почувствовал. А город всё так же не замечал его. И именно это было хорошо. Пока

тебя не замечают — ты свободен ошибаться.

Глава 4. Своё дело.

Первый бизнес Артёма провалился за четыре месяца. Он вложил в него всё: накопления, подработки, даже деньги, отложенные на чёрный день. Идея казалась железной — открыть маленькую точку по ремонту обуви и ключей. Люди всегда носят обувь. Люди всегда теряют ключи. Что может пойти не так? Пойти не так могло всё. Он арендовал угол в подвале — сырой, с низким потолком, с лампой, которая мигала, как сердце уставшего человека. Купил станок для ключей, взял в кредит инструменты. Повесил табличку: «Мастерская Артёма. Быстро. Честно. Недорого». Первые две недели заходили любопытные. Через месяц поток иссяк. Он сидел в этом подвале с восьми утра до десяти вечера и смотрел на дверь. Дверь не открывалась. Иногда заходил кто-то, делал один ключ за сто рублей и уходил. Артём считал выручку и понимал: аренда не отбивается. Он похудел. Перестал звонить матери — чтобы не врать. Врать он не умел, а говорить правду было стыдно. К концу четвёртого месяца он закрыл мастерскую. Вынес станок, погасил свет, сдал ключи. Вышел на улицу — шёл дождь, тот самый, серый, который не кончается. Артём сел на мокрую скамейку и впервые за долгое время заплакал. Не от боли. От бессилия. От того, что захотеть — не всегда достаточно. Он позвонил матери. Просто чтобы услышать голос.

— Как дела, сынок?

— Нормально, — сказал он, вытирая лицо.

— Работаю.

— Ты устал.

— Немного. Она помолчала.

— Ты помнишь, как в семь лет стоял у витрины?

— Помню.

— Ты тогда сказал мне: «Мама, я всё равно куплю». Ты не сказал «если получится». Ты сказал «куплю». Разница есть, Артём. И она не в деньгах. Он не ответил. Дождь стучал по крыше остановки. Той ночью он не спал. Он лежал и разбирал свой провал по частям, как разбирают сломанный механизм. Где он ошибся? Много где. Выбрал место, которое никто не видит. Не подумал, кто его клиент. Не сделал так, чтобы о нём узнали. Он строил бизнес, а думал только о себе — о том, как поскорее разбогатеть. Он хотел денег. Но не хотел никому помочь. Утром он выписал на листе бумаги всё, что умеет. Всё, что знает. И задал себе один вопрос:

какую чужую проблему я могу решить лучше, чем другие? Ответ пришёл через неделю — когда он помогал знакомому чинить квартиру и понял, что людей мучает не отсутствие мастеров, а отсутствие честных мастеров. Тех, кто не обманет, не задержит, не возьмёт три цены за одну работу. Он знал эту боль изнутри. Он сам был таким честным парнем без шанса. Артём собрал трёх таких же, как он — без дипломов, но с руками. И предложил простое: работать бригадой, а заказы искать самому. Через знакомых. Через объявления. Через тех, кто уже убедился — они не врут. Первый заказ пришёл на четвёртый день. Второй — через неделю. К концу года у них было расписание на месяц вперёд. Он не стал богатым. Но он впервые понял: деньги приходят туда, где решают боль честно. И ещё одно он понял той зимой, когда впервые за долгое время смог отправить матери сумму с четырьмя нулями. Он сел на кровать, посмотрел на телефон и подумал: а с кем разделить это? Кому позвонить и сказать: «Смотри, получилось»? И не нашёл такого человека. Тогда он впервые почувствовал, что впереди — не только победы. Но и тишина, которую этими победами не заполнить.

Глава 5. Первый миллион и пустая квартира.

Первый миллион Артём заработал в двадцать шесть. Он не заметил момента, когда это случилось. Просто однажды бухгалтер прислала таблицу, он открыл её, посмотрел на ито-

говую цифру и... ничего не почувствовал. Никакого салюта внутри. Никакой дрожи в руках. Он даже пересчитал знаки — на всякий случай, вдруг ошибка. Нет, не ошибка. Миллион. Он закрыл ноутбук и пошёл на кухню. Стоял у окна, пил чай и думал: и это всё? Он ждал этого дня с тех пор, как уехал из дома. С той витрины с белыми кроссовками. Со склада, где он таскал фуры. С подвала, где мигала лампа. Он представлял, как это будет — как внутри что-то вспыхнет, как он поднимет руки и скажет: «Получилось». Ничего не вспыхнуло. Вечером он купил квартиру. Большую. С панорамными окнами, с видом на реку, с кухней, где помещалась вся их старая квартира вместе с коридором. Ремонт сделали за месяц — его же бригада, лучшие ребята. Мебель выбрала дизайнер, женщина в очках, которая говорила быстро и всё время смотрела в телефон. Артём вошёл в новую квартиру в конце октября. Было тихо. Не «спокойно», а именно тихо — так, что слышно, как гудит холодильник. Он снял куртку, повесил на крючок, который сам не выбирал. Прошёл по комнатам. Свет включался от одного касания. Вода в кране шла ровно, без рывков. Всё было правильным. И нигде не было никого. Он сел на новый диван — кожаный, дорогой, холодный — и достал телефон. Пролистал контакты. Там было четыреста с лишним номеров. Поставщики, клиенты, партнёры, подрядчики, юрист, бухгалтер, риелтор, тренер по вождению. Он искал, кому позвонить. Просто так. Не по делу. Не нашёл. Тогда он позвонил матери.

— Мам, у меня теперь квартира.

— Большая?

— Большая.

— А окна куда?

— На реку. Она помолчала.

— Красиво, наверное.

— Да.

— А ты там один? Он не ответил сразу. Слишком честный вопрос.

— Пока один.

— Пока, — повторила она. И в этом «пока» было больше, чем в любом совете. Он положил трубку и долго смотрел в окно. По реке шли огни — теплоходы, катера, машины по мосту. Тысячи людей. У каждого свой вечер, свои разговоры, свои руки, которые кто-то держит. А он сидел в самой дорогой комнате своей жизни и чувствовал себя так же,

как в девять квадратных метрах с окном в колодезь. Разница была только в площади одиночества. Ночью он не спал. Лежал в новой кровати, смотрел в потолок — ровный, без трещин, без реки — и думал о том, что всю жизнь решал одну задачу: как перестать быть бедным. И решил её. А вторую задачу — как быть нужным кому-то, а не просто полезным — он даже не начинал. Он думал: я умею хотеть. Я научился добиваться. И тут же, впервые за много лет, задал себе вопрос, на который не было ответа: А что, если то, чего я хочу сейчас, нельзя получить силой желания? Он уснул под утро, так и не ответив. А утром пришло сообщение от старого друга детства, которого он не видел лет восемь: «Слышал, ты поднялся. Поздравляю! Давай встретимся». Артём посмотрел на экран и вдруг понял, что не знает, рад он этому или нет. Он ответил: «Давай». И это «давай» станет началом следующей главы — про друзей, которые появляются вместе с деньгами. И про то, что человек, добившийся всего сам, обычно не умеет отличать тех, кто рядом, от тех, кому просто рядом выгодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.